

DOI 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-140-161

УДК 323.15

М. С. Каменских

Институт гуманитарных исследований УрО РАН
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4041-086X
E-mail: mkamenskih27@gmail.com

А. В. Черных

Институт гуманитарных исследований УрО РАН
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7670-3912
E-mail: atschernych@yandex.ru

Д. И. Вайман

Институт гуманитарных исследований УрО РАН
Пермь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5784-5029
E-mail: dmitrii-vaiman@yandex.ru

Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности¹

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу процессов становления и современного развития идентичности группы верхнекамских коми-пермяков, проживающих на территории Афанасьевского района Кировской области. Компактное проживание группы оформилось в XVIII–XIX вв. в результате миграций коми-пермяков с территории Пермской губернии. Периферийное положение и тесные контакты с местным русским населением привели к формированию гибридных форм идентичности, проявлявшихся и в языке, и в особенностях быта. В XX в. эта общность, находившаяся вне административных границ Пермской губернии, не была охвачена процессами национально-культурного строительства советского периода, связанными с созданием Коми-Пермяцкого национального округа и появлением коми-пермяков как одного из народов СССР со своим литературным языком и особенностями культуры. Верхнекамские коми-пермяки сохранили досоветскую «пермяцкую» идентичность, а также были подвергнуты естественной ассимиляции, что фиксируется исследованиями середины и второй половины XX в. На рубеже XX–XXI вв. с возрождением интереса к этническим культурам и началом этнически мотивированного общественного движения в Афанасьевском районе Кировской области стали возрождать язык и культуру народа, что привело к кризису разных моделей идентичности — досоветской пермяцкой, коми-пермяцкой, русской. Авторы приходят к выводу о незавершенности процессов формирования идентичности, рассматривают сценарии развития этничности сообщества верхнекамских коми-пермяков в свете современных культурных процессов. Отдельно проанализирована возможность развития локальной коми-зюдинской идентичности. Статья опирается на опубликованные источники и полевые исследования авторов 2005 и 2023 гг.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: верхнекамские коми-пермяки, коми-зюдинцы, Афанасьевский район, локальная идентичность, этничность, Коми-Пермяцкий округ

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Каменских М. С., Черных А. В., Вайман Д. И. Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности. *Этнография*. 2024. 4 (26): 140–161.
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-140-161

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

M. Kamenskikh

Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the RAS
Perm, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4041-086X
E-mail: mkamenskih27@gmail.com

A. Chernykh

Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the RAS
Perm, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7670-3912
E-mail: atschernykh@yandex.ru

D. Vayman

Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the RAS
Perm, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5784-5029
E-mail: dmitrii-vaiman@yandex.ru

Komi-Permyaks of the Upper Kama Region: In Search of Identity

ABSTRACT. The article analyzes the identity formation and modern development of the Komi-Permyak group living in the Upper Kama region, i. e., in the Afanasyevsky district of the Kirov oblast. The compact settlement of the group goes back to the eighteenth and nineteenth centuries; it is a result of the migration of Komi-Permyaks from the territory of the Perm province. The peripheral location and close contact with the local Russian population led to the formation of hybrid forms of identity, manifested both in the language and the peculiarities of everyday life. In the twentieth century, this community, located outside the administrative boundaries of the Perm province, stood aside from the Soviet processes of nation-building, which resulted in the formation of the Komi-Permyak National Okrug (District), the construction of Komi-Permyaks as one of the USSR peoples with their own literary language and cultural characteristics. The Upper Kama Komi-Permyaks retained their pre-Soviet “permyak” identity and were also subjected to the natural assimilation processes, recorded in the studies conducted during the middle- and second half of the twentieth century. At the turn of the twenty-first century, the revival of ethnic cultures and the beginning of ethnically motivated public movements in the Afanasyevsky district started, and Komi-Permyaks began to restore their language and culture, which led to a conflict between different identity models: pre-Soviet Permyak, Komi-Permyak, and Russian. The authors argue that the processes of identity formation are incomplete, and they examine different scenarios for the development of the ethnicity of the Upper Kama Komi-Permyak community in light of modern cultural developments. In addition, the article analyzes the possibility of developing a local “Komi-Ziuzdin” identity. The article draws on published sources and materials from the authors’ fieldwork in 2005 and 2023.

KEY WORDS: Komi-Permyaks of Upper Kama region, Komi-Ziuzdins, Afanasyevsky district, local identity, ethnicity, Komi-Permyak Okrug (District)

FOR CITATION: Kamenskikh M., Chernykh A., Vayman D. Komi-Permyaks of the Upper Kama Region: In Search of Identity. *Etnografya*. 2024. 4 (26): 140–161. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-140-161

Осмысление этничности и ее особенностей как некоего феномена является одной из наиболее актуальных задач современной антропологии. Представление о собственной уникальности появляется из-за культурных отличий. Стоит признать, что проявление этничности дает о себе знать преимущественно в случае межкультурных коммуникаций в рамках культурно сложного общества. В этой ситуации имеет значение этническая граница, а этничность приобретает характер динамической категории, в том числе многоуровневой (Барт 2006; Варшавер 2022; Тишков 2001). Этничность проявляется через различные маркеры, среди которых представления о собственном происхождении, языковые и культурные особенности и др. При этом принадлежность к группе реализуется через отношение себя к сообществу (Anderson 1983). К конструированию локальных групп и сообществ приводит целый ряд факторов, среди которых влияние политических процессов, системы образования, «картирования» и музеефикации этнических культур, а также ряда других (Hirsch 2005; Геллнер 1991). Особый интерес представляют ситуации, когда этничность целой группы на протяжении долгого времени меняется или усложняется. Такие ситуации имеют место при соприкосновении разных культур. Изучение подобных сообществ позволяет взглянуть на природу этничности как явления и выявить закономерности ее развития.

В данной статье рассмотрены этнические процессы и представления о собственной идентичности у небольшой группы коми-пермяков, проживающей на территории современного Афанасьевского района Кировской области. Их принято называть зюздинскими коми-пермяками, зюздинцами, верхнекамскими или западными коми-пермяками. Проживание в отрыве от основной части коми-пермяков, изолированность от основных процессов национально-государственного строительства и консолидации коми-пермяцкого народа, слабые культурные связи с Коми-Пермяцким округом в XX в., активное русско-коми-пермяцкое взаимодействие явились основными причинами не только изоляции группы, но и значительных ассимиляционных процессов. В то же время, несмотря на свидетельствующие о незначительной численности данные в официальных статистических источниках (по последней Всероссийской переписи 2020–2021 гг. только 166 человек в Кировской области отнесли себя к коми-пермякам), сохраняется уникальная этнокультурная ситуация, происходит поиск самоопределения. Эти динамичные процессы, как и факторы и закономерности идентификации, интересны своими проявлениями и вариантами. Ситуация в Афанасьевском районе уникальна и тем, что здесь отсутствует этнополитический контекст: данная территория никогда не принадлежала к административным образованиям, построенным исходя из культурных особенностей населения.

Авторы анализируют изменения представлений о собственной идентичности у населения Афанасьевского района Кировской области, дают

оценку текущей ситуации, прогнозируют стратегии построения этничности группы на ближайшие годы. Основой для подготовки настоящей статьи послужили полевые материалы, собранные в ходе этнографических исследований в Афанасьевском районе Кировской области в 2005 и 2023 гг. Одной из основных тем изучения в процессе экспедиционной работы стали вопросы этнических границ и этнической идентичности. При подготовке статьи были также привлечены материалы переписей населения, архивная делопроизводственная документация 1930-х гг. и материалы СМИ — газеты «Зюздинский колхозник» (за 1930-е гг.) и «Призыв» (за 1995–2020 гг.).

ВЕРХНЕКАМСКИЕ КОМИ-ПЕРМЯКИ В МАТЕРИАЛАХ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

Численность пермяцкого населения Зюздинского края фиксируется в официальных статистических материалах с XIX в. Источники конца XIX в. единодушно соотносят верхнекамских пермяков и пермяцкое население Пермской губернии. В Алфавитном списке народов Российской империи Глазовский уезд Вятской губернии также назван местом проживания пермяков (Пермяки 1895).

Н. П. Штейнфельд оценивал все население края примерно в 27 тыс. человек, из которых пермяки составляли 7569 человек (1892: 273, 309). Перепись 1897 г. зафиксировала в Вятской губернии 10464 представителя пермяцкого населения (мужчин — 4856, женщин — 5608), причем административно территория компактного проживания была разделена между двумя уездами: Глазовским (5364 человек, из них 2431 — мужчины, 2933 — женщины), куда и входил Зюздинский край, и Орловским (5087 человек) (Первая всеобщая перепись... 1904: 88). М. М. Хомяков со ссылкой на данные Карсовайского прихода, к которому относилась территория проживания верхнекамских коми-пермяков, оценивает их численность в 7913 человек (Хомяков 1911: 7).

После 1917 г. Зюздинский край находился в составе Омутнинского уезда Вятской губернии. В 1929 г. решением Нижегородского крайисполкома, куда была включена территория бывшей Вятской губернии, Омутнинский район был ликвидирован и создан Зюздинский район сначала Нижегородского края, а в 1934 г. — Кировской области (Бузмакова 1995: 2). В 1963 г. район переименован в Афанасьевский с центром в с. Афанасьево (Черанева 1999: 1).

По Всесоюзной переписи 1920 г. в Вятской губернии было учтено 13214 пермяков, составлявших 0,6% населения области. Больше всего их проживало в Халтуринском (бывш. Орловский) и Омутнинском уездах (5791 и 7412 человек соответственно), куда входила и бывшая Афанасьевская волость (Статистический ежегодник... 1924: 43–44). Во Всесоюзной переписи 1926 г. на Вятке пермяки насчитывали уже

13 889 человек (Всесоюзная перепись... 1928: 9). Г. А. Нечаев, работавший в Афанасьево в 1930-е гг., писал, что на «цифровые данные переписи полагаться нельзя, т. к. они далеко не точны, в особенности по отношению к Коми», цифра могла быть намного выше (Нечаев 1930: 14).

В последующие годы численность верхнекамских пермяков в силу влияния ассимиляционных процессов резко сократилась. Перепись 1959 г. на территории Кировской области учла 4 189 представителей коми, в том числе 2 897 коми-пермяков. Во второй половине XX в. численность верхнекамских коми-пермяков начала сокращаться: в 1979 г. — 945, а в 1989 г. выросла до 1 219 человек на фоне общего прироста населения². В 2002 г., когда в переписи учитывалось максимально широкое количество отдельных этнокультурных сообществ, Всероссийская перепись населения в Кировской области зафиксировала 817 коми-пермяков, в том числе просто «пермяков» и «коми-пермяков с коми языком»³. В 2010 г. перепись населения учла 378 коми-пермяков, при этом в пояснении к этнониму указывалось, что в него включены следующие определения: «зюздинцы», «коми с языком коми-пермяцким», «коми морт с языком коми-пермяцким», «коми-зюздинцы», «коми-язвинцы», «пермяки» (Итоги Всероссийской переписи 2010 года... 2013: 11). Такое количество терминов свидетельствует о сложных траекториях этноконсолидации и самоопределения населения данной территории.

По данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., численность верхнекамских коми-пермяков Кировской области составила 166 человек, к этой категории отнесены также «коми с языком коми-пермяцким» и «пермяки»⁴. В целом очевидно, что в XXI в. количество верхнекамских коми-пермяков в Афанасьевском районе Кировской области сокращается, и в условиях относительно стабильного населения этот факт свидетельствует о влиянии ассимиляционных процессов.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗЮЗДИНСКОМ КРАЕ В XX В.

Особенностями территории Зюздинского края были существование исторически сложившейся зоны смешанного расселения русских и коми-пермяков и активные контакты между народами. Уже в конце XIX в. почти все исследователи отмечали наличие тесных контактов

² Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 18.08.2024).

³ Население по национальности. Все население. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Кировской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. URL: [https://43.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/34c\[1\].htm](https://43.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/34c[1].htm) (дата обращения: 18.08.2024).

⁴ Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 20.04.2024).

пермяцкого населения с русским. Ареал расселения общности выходил за пределы Зюздинской волости, однако именно в ней удавалось сохранять компактность проживания и самобытную культуру. Проживающие рядом с Зюздино жители Карсовайской и Гординской волостей — «также пермяки по образу жизни, но уже забыли свой язык и говорят по-русски», хотя и зюздинские пермяки «могут объясняться по-русски» (Заметки о пермяках... 1861: 361). Н. П. Штейнфельд характеризует местных жителей как «родственное вологодским и пермским зырянам чудское племя (финского происхождения)». Язык местных пермяков существовал «с добавлением многих чисто русских слов». Этот же автор обращает внимание и на процессы взаимного культурного обмена: «Русское же население Зюздина... совершенно опермячилось... дало пермякам только свой язык и славянскую одежду. В остальном же, в самом складе жизни, понятий, привычек, низошло до уровня пермяков» (Штейнфельд 1892: 273, 295). А. П. Иванов отметил, что встречал людей, говорящих на пермяцком языке, но считающих себя русскими: «В с. Верхокамском я впервые услышал пермяцкую речь, хотя крестьяне и считают себя русскими. “Ты далече поедешь, — говорили мне, — так русского языка и не услышишь, а все пермьской”» (Иванов 1883 № 2: 39). При этом пермяцкий язык подвергся настолько серьезному влиянию русского языка, что даже русскоговорящему был понятен общий смысл высказывания:

Надо заметить, что русская речь во всем закамском крае подверглась значительной порче... Пермяцкий язык, даже и там, где первенствует над русским, уже подвергся сильной порче. Обилие русских слов позволяет, по крайней мере, догадываться, о чем идет речь. Песни поются исключительно русские, своих, пермяцких, совершенно нет (Иванов 1883 № 2: 39, № 4: 90).

Похожие наблюдения оставил и М. М. Хомяков:

На верховьях Камы я встретил совершенно обрусевшее население, которое не только забыло свой родной язык, но даже избегает самого слова «пермяк»... почти исключительно говорящее по-русски, по происхождению — от пермяков, ведущих свой род с берегов Иньвы (Хомяков 1911: 29).

Таким образом, к началу XX в. население Зюздинского края характеризовалось смешанным составом, тесным взаимным проникновением русской и пермяцкой культур, которое отражалось в языке и особенностях хозяйства местного населения, а также в сложной и многоуровневой идентичности.

После революционных событий 1917 г. в России начались сложные процессы этноконсолидации разных сообществ в результате новой национальной политики, когда создавались новые идентичности, привязанные

к отдельным территориям. Верхнекамские коми-пермяки не были отнесены ни к каким этнотерриториальным образованиям, но стали имели непосредственное отношение к национальной политике, поскольку территория их проживания стала официально называться «национальная» в делопроизводстве.

Большую роль в этнокультурных процессах Зюздинского края сыграло создание Коми-Пермяцкого национального округа в 1925 г. Еще в проекте коми-пермяцкого общественного активиста Ф. Г. Тараканова 1921 г. предлагалось создать коми-пермяцкую трудовую коммуну, по аналогии с карельской, и включить в ее состав земли Зюздинской и Кайской волостей Вятской губернии, поскольку они составляли «одно географическое, историческое и экономическое целое» (Тараканов 2000: 1). При этом Ф. Г. Тараканов писал, что «разговор местных жителей несколько отличался от говора иньвенских пермяков, представляя нечто среднее между зырянским и пермяцким языками» (Тараканов 2000: 1).

Однако при создании Коми-Пермяцкого национального округа территория расселения верхнекамских коми-пермяков не вошла в состав округа, в то же время с первых лет своего существования власти округа стали активно сотрудничать с населением Верхнекамья, содействовать сохранению и развитию культуры пермяцкого населения. Прежде всего была сформирована сеть национальных школ с преподаванием родного коми-пермяцкого языка. В разное время в районе работало от четырех до шести национальных школ: Пашинская, Илюшовская, Даньковская, Пахомятская, Аверинская и Московская. Обучение в этих школах прошли жители района, родившиеся в 1924–1930-х гг. Здесь, согласно принципам национального образования того времени, велось преподавание родного коми-пермяцкого языка (Каменских 2019: 132–135). Деятельность школ контролировалась, об их работе писали местные газеты (Новый учебный год... 1938). Всего в этих национальных школах на начало 1927 г. обучалось 847 учеников, в том числе 439 — на родном языке. В школах фиксировался дефицит преподавателей со знанием родного языка: имелось всего четыре работника при необходимых 56 (ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 89. Л. 8–9). Период работы школ застал во время экспедиции в район Г. А. Нечаев. Он писал, что «дети коми-пермяков учатся в 19 школах, исключительно же только они учатся в 6 школах», а при анализе работы школ выяснилось, что «во всех Коми школах преподавание велось на русском языке, а Коми язык применялся как подсобный» (Нечаев 1930: 13). Школы работали до конца 1930-х гг., в послевоенный период сведения об их деятельности в источниках отсутствуют.

Память о работе национальных школ сохранилась и сегодня:

До Великой Отечественной войны коми-пермяцкая школа была в Пашино, была в Даньках, у нас (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

Вот отец у меня с двадцать восьмого года, он уже учился, русский язык, а сестра была двадцать четвертого года, она до седьмого класса еще все рассказывала стихотворения, и все мы, даже еще когда мы учились, она все время рассказывала стихотворения такие длинные, все на коми-пермяцком (ПМА, д. Московская, 2023).

Становление системы национального образования и сотрудничество с Коми-Пермяцким округом были каналами распространения этнонима «коми-пермяк», до этого не используемого в данном районе, факторами, способствующими процессам консолидации с основной частью народа. Коми-пермяцкая идентичность стала одной из моделей личных жизненных стратегий в самоопределении для местных жителей в 1920–1930-е гг. Не последнюю роль в этих процессах сыграла и местная интеллигенция, представители которой зачастую учились в Коми-Пермяцком округе:

Кудымкар, вот с ними была очень тесная связь, поскольку, в общем-то, особенно после Гражданской войны и учебные заведения там открыты были, и наши, в общем-то, отсюда земляки ходили туда практически пешком, и учились там и в лесотехническом техникуме (там был открыт), и в педагогическом техникуме очень много, в общем-то, особенно до 1941 года, до войны Великой Отечественной, очень многие там, именно, вот даже что характерно, очень много [лиц] мужского пола обучалось там, вот именно в этом лесотехническом техникуме, и в педагогическом, и в том числе у нас (ПМА, с. Афанасьево, 2023).

Работавший с местным населением Г. А. Нечаев отмечал высокую степень обрусения верхнекамских коми-пермяков. Он полагал, что это было следствием политики царского времени:

Презрительное отношение окружающих русских к Коми населению в царское время породило среди коми-пермяков недовольство и презрение к своему происхождению, а результатом последнего явилось то, что всякий пермяк, научившийся мало-мало говорить по-русски, считал себя уже не пермяком, а русским. Все это дало здесь значительный процент «обрусения» коми-пермяков (Нечаев 1930: 14).

В послевоенный период сложную идентичность местного населения отметила и В. Н. Белицер, работавшая в 1951 г. в Зюздинском районе. Исследователь называла жителей «зюздинскими пермяками», населяющими «западную часть территории расселения коми-пермяцкого народа», язык их она обозначала как «зюздинский диалект» коми-пермяцкого языка с большим влиянием русского и коми-зырянского языков (Белицер 1952: 27). По сообщениям местных краеведов, в 1950–1970-е гг. обучение

в районе велось только на русском языке, и когда в 1950-е гг. колхозникам стали выдавать паспорта, в документах предлагалось указывать национальность «русский» (Русских 2012: 2). Факты такой «документарной ассимиляции» подтверждаются и семейными преданиями: «Папа — с тридцать седьмого года, писали не коми-пермяк, а писали русский»; «Это когда паспорта меняли, потом на “русский” переписали все, вначале “коми-пермяк” писали» (ПМА, с. Афанасьев, 2023). Для послевоенного поколения «записываться» русским было даже более престижно:

Мы стеснялись еще в школе, например, все же преподавали русский, ну как бы по-русски говорили, а если кто-то разговаривает оо, по-пермяцки баитэны, ну вот как-то отчуждались почему-то, вот как-то мы так относились. Вот у меня у папы, например, книжка красноармейца, да, когда он на фронт пошел, у него написано коми-пермяк, а в паспорте у него уже было русский, а вот когда на войну пошел, в сорок втором году, коми-пермяк было написано (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

Я спрашивала у папы: «Почему у тебя вот здесь, в документе ты — коми-пермяк, а в паспорте ты — русский?» Он говорил, что как-то было немодно уже записываться вот, молодежь уже хотела записаться русским (ПМА, д. Порубово, 2005).

Значительное влияние на ситуацию оказали и смешанные браки, частые и в прошлом, и в настоящем: «Замуж всех брали, не разбирали, кто кому понравится» (ПМА, д. Порубово, 2005). В случае, если один из родителей (неважно, кто именно — мать или отец) был русским, дома разговаривали преимущественно на русском языке и у детей формировалась русская идентичность.

В силу влияния советской национальной политики, а также исторически сложившегося тесного межкультурного взаимодействия местное население к концу советского периода уже в основном имело многоуровневую идентичность, связанную, с одной стороны, с коми-пермяцким языком и происхождением, а с другой — со значительным влиянием русского языка и культуры. Исследования 2003 г. выявили сложную многоуровневую идентичность местного населения. При этом у местных жителей «актуализируется русское самосознание, коми-пермяцкая составляющая отмечается лишь при обращении к языковому сознанию и апеллированию к прошлому» (Черных 2005: 280). Таким образом, переписи населения, межнациональные браки, представления о престижности национальностей в послевоенный период повлияли на изменение идентичности местного населения в сторону постепенного перехода от коми-пермяцкой к русской.

СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

К началу 1990-х гг. активные ассимиляционные процессы незначительно замедлились в связи с начавшимся в стране подъемом национально-культурного движения. Важное значение для верхнекамских коми-пермяков имело создание общественных и государственных институтов, а также более активное взаимодействие с территорией основного расселения народа — Коми-Пермяцким автономным округом, который в этот период проводил более систематическую политику по популяризации и актуализации коми-пермяцкого языка и культуры в Афанасьевском районе.

В 1995 г. в деревне Московской Афанасьевского района с целью сохранения культурного наследия на базе музея был создан Коми-Пермяцкий культурный центр. С 2003 г. центр стал работать на базе московского Дома культуры (Некрасова 2016: 2). Открытие центра сопровождалось проведением Дней коми-пермяцкой культуры под общим названием «Родная Парма, мой родимый дом», нацеленных на популяризацию и возрождение традиций коми-пермяцкого народа в Афанасьевском районе. В рамках мероприятий состоялись литературные вечера и знакомство школьников с коми-пермяцким языком, выставка работ художника В. Н. Онькова, презентация предметов декоративно-прикладного искусства «Коми-пермяцкие узоры», этнографические вечера «Гажа рыт» в деревнях с компактным проживанием коми-пермяков, выступления ансамблей Коми-пермяцкого округа «Шондибан» и «Мича асыв» в деревнях Бисерова, Илюши, Московская, Гордино, Слободская, Пашино, Ромаши и других. В библиотеки передавались книги, позволяющие «ближе познакомиться с географией, историей и культурой [Коми-Пермяцкого автономного] округа» (Сысоева 1995б: 2).

В феврале 1995 г. делегация Афанасьевского района Кировской области принимала участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-летия Коми-Пермяцкого автономного округа (Сысоева 1995а: 4). В том же году представители Афанасьевского района участвовали в V Международном фестивале финно-угорских народов в Коми-Пермяцком автономном округе: с туром по деревням округа проехал Афанасьевский районный ансамбль «Вересиночка» (Сысоева 1995б: 2).

Позднее такие мероприятия, а также культурные обмены стали регулярными. Судя по стилистике публикаций, местные власти и интеллигенция с большим интересом восприняли активизацию сотрудничества с Коми-Пермяцким автономным округом. С тех пор в СМИ, образовательных проектах и мероприятиях стала активно транслироваться коми-пермяцкая идентичность, а местное пермяцкое население стали называть «коми-пермяками» или отдельной «этнической группой коми-пермяцкого этноса» (Чугаева 2016: 2).

Учителя и краеведы регулярно участвовали в конференциях в г. Кудымкаре, из Коми-Пермяцкого автономного округа в район поступала литература по соответствующим темам, регулярно приезжали лекторы. Все это способствовало тому, что местные жители стали ассоциировать себя именно с коми-пермяками (Коми-пермяцкий язык... 2014). В том же году при Центре культуры был открыт фольклорный коми-пермяцкий ансамбль «Ниримдор», а в 2016 г. — детский ансамбль «Шорок» («Ручеек»). Руководитель коллектива А. С. Черанева в интервью газете говорила, что ее цель — «пропаганда песенной культуры коми-пермяков» (Коми-пермяцкий язык... 2014). Одним из проектов по возрождению коми-пермяцкой культуры стал ежегодный Фестиваль коми-пермяцкого фольклора «Чудо». В 2018 г. Коми-Пермяцким этнокультурным центром организованы Дни коми-пермяцкой культуры в Афанасьевском районе Кировской области и Республике Коми⁵. Делегации Афанасьевского района постоянно принимали участие в съездах коми-пермяцкого народа (Делегация района на II съезде... 2016).

В 2019 г. под руководством доктора исторических наук А. Е. Коньшина был составлен «Букварь: учебное пособие для 1 класса (на верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка)». Издание было подготовлено Коми-Пермяцким институтом повышения квалификации работников образования с привлечением лингвистов из Сыктывкара и местных носителей языка (Букварь 2019). Результат проведенной составителями работы красноречиво характеризуют выводы А. Е. Коньшина:

Наблюдаемый в последнее время интерес народа к своим этническим корням в Афанасьевском районе, появление энтузиастов, радеющих за возрождение языка; сохранившееся, вопреки всему, в быту верхнекамское наречие пермяцкого языка; проведение научно-практических конференций и фестивалей коми-пермяцкого фольклора «Чудо», ставшего уже традиционным, помогут сохранению зюздинской коми-пермяцкой этнографической группы, их языка (Коньшин 2016: 88).

Этнокультурная и языковая активность Коми-Пермяцкого округа, вовлечение верхнекамских пермяков в культурные проекты оказывают влияние на формирование современной идентичности жителей Афанасьевского района Кировской области:

Они инициаторами были, они вышли сюда, они вышли на нашу администрацию и так в общем-то стали себя немножечко заявлять нам, наши стали немножечко поддерживать эту инициативу и в общем-то какие-то

⁵ В Кудымкар съедутся представители народа коми со всей России // Администрация губернатора Пермского края. URL: www.permkrai.ru/news/gubernator-maksim-reshetnikov-poobshchalsya-s-permskimi-shkolnikami-o-perspektivakh-informatsionnykh/ (дата обращения: 21.08.2021).

культурные отношения, связи начались, фестивали, праздники стали организовываться (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

«Я — РУССКАЯ, НО СВОЙ РОДНОЙ ПЕРМЯЦКИЙ НИКОГДА
НЕ ЗАБУДУ»: ЯЗЫК КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ

В ситуации длительного и активного русско-коми-пермяцкого взаимодействия, билингвизма коми-пермяков этнокультурные комплексы (жилище, одежда, пища, явления духовной культуры) на этой территории идентичны у русских и коми-пермяков и не воспринимаются как этнические маркеры и символы. В этом контексте главными компонентами, на которых строится коми-пермяцкая идентичность, являются язык и историческая память. А. С. Лобанова отмечает, что сегодня язык — один из ключевых маркеров идентичности верхнекамских коми-пермяков (Лобанова 2019: 406). Однако и в этом статусе язык выступает лишь как один из возможных «якорей» идентичности, владение языком не всегда означает выбор именно коми-пермяцкой идентичности:

Я — русская, но свой родной пермяцкий никогда не забуду (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

А ми тожõ русскõйõсь, мян нация русскõй, пермякйезõн ми эг лоõ (Пер.: А мы тоже русские, моя национальность — русский, пермяками мы не стали)⁶ (ПМА, д. Порубово, 2005).

Русские, ми эдъ не коми-пермякйез, русскõйõсь (Пер.: Русские, мы ведь не коми-пермяки). Да. У нас и записано русскими (ПМА, д. Порубово, 2005).

Русскими мы считам. Володя мян вõлн пермяк паспортлын. Пондiс велõтчны и пондiс шуны: «Мыля тi менõ пермякõн гижинõ, колõ менõ русскõйõн» (Пер.: Русскими мы считаем. Володя у нас по паспорту был пермяк. Стал учиться и стал говорить: «Зачем вы меня пермяком записали, нужно меня русским») (ПМА, д. Порубово, 2005).

Такая картина как нельзя лучше иллюстрирует сложную, кажущуюся на первый взгляд противоречивой, этническую идентичность верхнекамских коми-пермяков.

Другой особенностью современной этноязыковой ситуации в Афанасьевском районе является слабое владение коми-пермяцким языком. Относительно свободно на нем разговаривает только старшее поколение: «Мы-то как забудем, родной язык никак не забудем» (ПМА, д. Порубово, 2005).

⁶ Здесь и далее перевод в цитатах сделан авторами статьи.

Однако круг этого общения ограничен: «Свой язык, а молодёжь-то все уже говорят по-русски. Нія эд миянӧс не понимают (Пер.: Они ведь нас не понимают). Ми токо которы стары-те сойдёмся» (ПМА, д. Порубово, 2005).

Люди, родившиеся в 1940–1960-е гг., еще хорошо знали родной язык и общались на нем дома:

Некоторые в школу шли — по-русски говорить не могли, только по-пермяцки (ПМА, с. Илюши, 2005).

Мы дома в детстве на коми-пермяцком говорили, на пермяцком языке говорили родители, а в школу пошли — стали сразу на русском разговаривать, некоторые были: в школу пошли, даже на русском не умели разговаривать (ПМА, д. Илюши, 2005).

Если я маленькая была, у нас говорили [по коми-пермяцки], в нашей семье. Во многих семьях говорили. Но, может быть, уже лет десять не говорят (ПМА, с. Илюши, 2005).

Люди среднего возраста используют родной язык преимущественно для общения с родителями, в других ситуациях (в том числе при общении с детьми) предпочитают русский язык:

Миян уж челядьӧ оз сёрнитӧ по-пермяцки час, быкӧб ния уж русскӧйбылӧ (Пер.: У нас дети теперь уже по-пермяцки не говорят, все они уже на русском) (ПМА, д. Порубово, 2005).

Дети тоже знают коми-пермяцкий, дак они не любят со мной разговаривать: «Ты, мам, с нами разговаривай по-русски» (ПМА, д. Порубово, 2005).

Дома общаюсь с матерью по-пермяцки, а так-то по-русски (ПМА, д. Порубово, 2005).

Выход коми-пермяцкого языка из активного бытового употребления наблюдался в послевоенные годы. Одной из причин быстрой смены языка стал билингвизм, характеризующий и другие группы коми-пермяков: русским языком свободно владеют все поколения. Не последнюю роль сыграло и отсутствие преподавания на родном языке в школе. Как отмечают информанты, родной язык преподавался в школах в 1930-е гг. Молодое поколение (родившиеся в 1970–1990-х гг.) совсем не владеет разговорным языком, лишь единицы указывают, что хорошо его понимают, а в большинстве своем признаются, что понимают и знают лишь несколько коми-пермяцких слов:

Понимаю немножко, совсем пару слов: пукси, сёй. (Интервьюер: А если бабушка по-пермяцки разговаривает?) Она со мной на пермяцком не разговаривает. (Интервьюер: Потребности нет выучить язык?) Нет. (Интервьюер: Из молодежи кто-то разговаривает?) Пацаны, которые ближе к бабкам живут, общаются, немножко знают. Некоторые — побольше, некоторые — поменьше. А так изживается (ПМА, с. Илюши, 2005).

Я-то хоть еще пермяцкий язык знаю, а дети-то у меня даже и пермяцкий язык уже не знают. Может, одно слово, два, три, может, до десятка только знают, и то им это в шутку, так, несерьезно, смеются даже, как смешно-то, ага (ПМА, с. Илюши, 2005).

Общая схема владения родным языком выглядит таким образом: старшее поколение свободно понимает и говорит на родном языке, среднее поколение плохо говорит, но понимает, младшее далеко не все понимает и почти не говорит.

Близость коми-пермяцкого алфавита к русскому способствует тому, что некоторые самостоятельно осваивают чтение на коми-пермяцком языке, однако письменностью не владеет никто:

(Интервьюер: Читаете по-пермяцки?) Нет, не читаем. Тем более не пишем. Приезжали когда-то к нам, книжки продавали, покупали книжки. Вот мы сейчас эти книжки читаем. Я почитаю, вроде которые слова понимаешь, которые, конечно, не понимаешь, но смысл понять можно. Но дети-то, конечно, наши ничего не поймут (ПМА, с. Илюши, 2005).

Молодое поколение языком практически не владеет, идут процессы, связанные с сужением сфер использования языка и сокращением числа его носителей:

Русско́й ме, русско́й (Пер.: Русский я, русский). Так если у нас уже не с кем разговаривать, мы вот даже между, в семье нас много, у нас привычки нет, что вот так разговаривали. Хочется... Мне, например, хочется по-пермяцки разговаривать, но не с кем (ПМА, д. Московская, 2023).

А пермяки у нас уже обрусели, у нас очень много слов мы вставляем уже по-русски, даже вот я знаю, например, слово уже по-пермяцки оно, но вот при разговоре я уже вставляю русский (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

В целом можно констатировать, что коми-пермяцкий язык в настоящее время выходит из употребления. Однако именно язык дает основания жителям Афанасьевского района считать себя коми-пермяками, а исследователям — применять этот этноним в определении группы.

ПЕРМЯКИ И КОМИ-ПЕРМЯКИ: О НЕЗАВЕРШЕННОСТИ
КОНСОЛИДАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В ответах на вопросы об идентичности от жителей Афанасьевского района частотен этноним «пермяки», что не характерно для территории основного расселения народа. «Пермяцкая» идентичность была (а часто и остается) основной для самоопределения. В дореволюционный период этнонимом «пермяк» использовали все группы коми-пермяков. Однако после 1925 г., когда в результате создания Коми-Пермяцкого национального округа Уральской области был введен новый этноним «коми-пермяк», периферийные группы народа, территориально не вошедшие в состав округа, сохраняли старый этноним и оставались слабо вовлеченными в консолидационные процессы. Если бы территория Зюздинского края вошла в состав округа, этнокультурные процессы развивались бы иначе.

В Зюздинском крае этноним «пермяк» продолжал использоваться местным населением и оставался базовым для самоопределения. В результате сформировалась возможность для противопоставления пермяцкой и коми-пермяцкой идентичностей. Суть этого конфликта можно охарактеризовать фразой уроженки д. Илюши, 1926 г. р.: «Мы не коми-пермяки. Мы просто пермяки». Можно привести и другие примеры: «Я даже не знаю, чё такое коми-зыряне и коми-пермяки. Нас называют просто пермяки» (ПМА, д. Илюши, 2005); «Я их языка совсем не понимаю, хотя тоже пермянка» (ПМА, д. Пашино, 2023). Такая же ситуация наблюдалась у язьвинской группы, где вплоть до начала XXI в. активно использовался этноним «пермяки», а затем стал распространяться новый этноним «коми-язьвинцы».

Национальная политика 1930-х гг., а также введение в школах изучения коми-пермяцкого языка, будучи крайне кратковременными, не привели к распространению и внедрению нового этнонима. При этом коми-пермяки основной территории, их язык и культура часто воспринимаются эталонными образцами. В ситуации разрушения собственных локальных форм этнической культуры именно эти образцы начинают воспроизводиться, например, учреждениями образования и культуры.

В последние два десятилетия вследствие культурных контактов и открытия Центра коми-пермяцкой культуры «коми-пермяцкая» идентичность активно распространяется, что также фиксируется местными жителями: «Я думаю, что она [коми-пермяцкая идентичность] — приобретенная. “Коми-пермяки” — когда нас стали изучать, стали собирать научные конференции, стали какие-то труды писать по нам. Вот “коми-пермяки” тогда, мне кажется, появилось, так мы были пермяки, вот это я помню» (ПМА, д. Афанасьев, 2023).

Сегодня одной из особенностей этнического самосознания является наличие дифференцированного подхода к отнесению себя к коми-пермяцкой

культуре. Респонденты регулярно дискутировали и рассуждали о том, кем они должны считаться. Значительная часть представителей старшего и среднего поколения затрудняется с выбором своей идентичности: «Не знаю я. Да не русская, не пермянка. Родители пермяки были» (ПМА, д. Рагоза, 2005); «Не знаю, наверно, русская я, ле (Пер.: или) пермячка, не знаю кто» (ПМА, д. Порубово, 2005). При разговоре с респондентами старшего поколения часто использовался этноним «пермяки»: «наши пермяки», «говорить на пермяцком»; «[называли] пермяками, у нас были пермяки» (ПМА, д. Пашино, 2023). Рассуждения о собственной идентичности приводят респондентов к выводу либо о собственной уникальности, либо о незавершенности процессов ассимиляции с русскими или коми-пермяками.

КОМИ-ЗЮЗДИНЦЫ. ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ РЕАЛИЗОВАН «КОМИ-ЗЮЗДИНСКИЙ ПРОЕКТ»?

Альтернативой «коми-пермяцкому» и «пермяцкому» векторам в самоопределении мог бы стать проект развития локальной «коми-зюздинской» идентичности (даже построенной на русском языке), как это было реализовано в постсоветский период с коми-язьвинцами Пермского края (Ваньков 2013; Голева 2014) или коми-ижемцами Русского Севера (Шабаев и др. 2010). Однако целый ряд причин не позволил этому проекту реализоваться. В случае с коми-ижемцами значимыми факторами идентичности выступали иной, чем у остальных групп коми-зырян, комплекс хозяйственных занятий, а также особенности языка и культуры. У коми-язьвинцев основными стали особенности языка, а также существенная поддержка их деятельности со стороны ученых и органов власти. При имеющихся языковых и культурных границах главными факторами в формировании идентичности были действия общественных лидеров и интеллигенции. Пермский этнограф Г. Н. Чагин посвятил несколько научных трудов коми-язьвинцам (Чагин 2001), учительницей А. Л. Паршаковой был подготовлен букварь (2003). Все это является важным фактором в национальной политике и инструментом для демонстрации уникальности группы. Делегации коми-язьвинцев регулярно становились участниками краевых проектов, организовывались коми-язьвинские праздники (например Сарчик), статьи о коми-язьвинцах публиковались в справочных и энциклопедических изданиях (Ваньков 2007; Голева 2014: 237–241). В результате идентичность коми-язьвинцев стала доминирующей и продолжает оставаться таковой для местного населения.

При реализации «зюздинского проекта» было трудно выделить существенные культурные границы, константы, которые дифференцировали бы локальное сообщество от остальных. Второй причиной его неудачи стало отсутствие лидеров национально-культурного движения, которые

отстаивали и продвигали бы эту идею. Следует отметить, что в последние десять лет органами местного самоуправления предпринимаются попытки реализовать «коми-зюздинский проект» с помощью организации тематических этнокультурных мероприятий и исследования особенностей языка.

Важную роль в сохранении этничности у язынцев сыграло также конфессиональное сознание, поскольку язынские пермяки — старообрядцы и противопоставляют себя соседнему православному населению. В случае с верхнекамскими коми-пермяками конфессиональное самосознание не является дифференцирующим фактором. В Илюшевском сельском совете часть населения относит себя к старообрядцам белокриницкого согласия, другая часть — православные. В прошлом в д. Илюши находилась старообрядческая церковь, а в д. Порубово — православная часовня. Соседнее русское население также придерживается православия и старообрядческой традиции.

Тем не менее «коми-зюздинский проект» не утратил актуальности, поскольку у части населения Афанасьевского района существуют представления о собственной уникальности: «Мое четкое убеждение: мы — особая этническая группа «зюздинские коми». Никак по-другому» (ПМА, д. Порубово, 2005). Однако реализация этого проекта требует усилий и отдельной работы со стороны общественных институтов и органов власти. В настоящий момент такая работа ведется, но представляется недостаточной, поэтому можно предполагать дальнейшее развитие этничности жителей обсуждаемой территории за счет таких маркеров, как коми-пермяцкий язык и культура.

«МЫ ТОЖЕ РУССКИЕ, МОЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — РУССКИЙ,
ПЕРМЯКАМИ МЫ НЕ СТАЛИ»⁷

Однако «коми-пермяцкая» составляющая идентичности в разных вариантах отмечается лишь при обращении к языковому сознанию и апеллировании к прошлому. Наиболее актуальной в настоящее время локальной идентичностью является русская:

Русские мы, и пишемся в паспорте «русские». Как мы пермяки? Я могу немножко поговорить так кое-какие слова. Понимать — я понимаю, а говорить — могу и не говорить (ПМА, с. Афанасьев, 2023).

Я-то, конечно, русская. Потому что, вот если моя бабушка или мать — конечно, они коми-пермяки чистые, а я-то уже нет. Мы уже чё, всё по-русски,

⁷ Перевод: «а ми тожõ русскõйõсь, миян нация — русскõй, пермякйезõн ми эг лоб».

всё по-русски. А дети тем более. Я-то хоть еще пермяцкий язык знаю (ПМА, с. Илюши, 2005).

Обращает на себя внимание тот факт, что русская этничность в разговоре часто выражалась и на коми-пермяцком языке. В отличие от людей старшего и среднего поколений, считающих себя русскими, но апеллирующих к коми-пермяцкому языку, молодежь однозначно считает себя русскими и не делает оговорок по поводу языка или исторического прошлого: «Русским, конечно, считаю, какой я пермяк» (ПМА, д. Порубово, 2005); «Мы все русские, бабушки-дедушки — они, может, пермяки» (ПМА, с. Илюши, 2005). Таким образом, русская идентичность у местных жителей также становится преобладающей в силу процессов ассимиляции, начавшихся еще в дореволюционный период.

На современном этапе у местного населения можно выделить идентичности с соответствующими этнопроекциями и жизненными стратегиями: «пермяцкая», коми-пермяцкая, «зюздинская» и русская. Каждая из них базируется на языковых или культурных особенностях и представлениях о них у местного населения.

Идентичность верхнекамских коми-пермяков формировалась в условиях автономного развития территории, вне культурного взаимодействия с округом, но в русле общих этнокультурных процессов, характерных для территорий пограничья. Приграничное, или фронтальное, положение местного населения, сильное влияние русской и старообрядческой культур способствовали постепенной ассимиляции и утрате «пермяцкой» идентичности. Традиции переосмыслились в контексте русского вектора этнокультурного влияния, а с конца 1990-х гг. — и коми-пермяцкого, что способствовало уже на позднем этапе замещению собственных традиций эталонным комплексом, в качестве которого выступала коми-пермяцкая культура. Кейс верхнекамских пермяков показывает, насколько сложными были и являются этнокультурные процессы на территориях, где сосуществуют разные культуры и языки, как они могут меняться во времени под влиянием различных факторов.

Очевидно, в тандеме языка и этничности первостепенную роль играет языковая идентичность. Этническая же, в свою очередь, может быть более ситуативной. Знание коми-пермяцкого языка выступает катализатором коми-пермяцкой идентичности или двойственной русско-коми-пермяцкой идентичности. При этом русская идентичность для части верхнекамских коми-пермяков является обыденным явлением, особенно в контексте смены языковой идентичности.

В настоящее время наблюдаются некоторая активизация интереса к этнической культуре и прошлому, формирование культурных связей, реализация проектов с этнокультурной составляющей, в том числе с привлечением ресурсов Коми-Пермяцкого округа. Однако эти связи,

как правило, эпизодичны и — часто — поверхностны, так как коми-пермяцкая культура (в таких ее проявлениях, как книжность, мероприятия вроде встреч с поэтами, выступлений фольклорных и профессиональных коллективов на родном языке) не воспринимается значительной частью населения, утратившей родной язык. В целом можно говорить о незавершенности процессов консолидации группы, построенной на одном из вариантов идентичности, который мог бы быть реализован в регионе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ПМА — полевые материалы автора

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА: д. Илюши, 2005; с. Порубово, 2005; д. Рагоза, 2005; д. Афанасьев, 2023; д. Московская, 2023; с. Пашино, 2023.

ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 89. Дело о рассмотрении ходатайства Вятского губернского исполкома об отпуске средств на мероприятия по просвещению среди национальностей. Л. 8–9.

Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

Белицер В. Н. У зюдинских коми-пермяков // Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Вып. 15. С. 27–38.

Бузмакова Н. Листая страницы истории // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 1995. 24 окт. (№ 2). С. 2.

Букварь: учеб. пособие для 1 класса (на верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка / сост. Н. Е. Ичетовкина, Н. Е. Меркучева, В. Е. Тебенькова, В. В. Федосеева, Кудымкар: ГБОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», 2019. 72 с.

Ваньков Е. Г. Есть такой народ — коми-язвинцы // Народы Пермского края: альманах. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2007. С. 35–36.

Ваньков Е. Г. Коми-язвинцы Пермского края // Пермский край — территория межнационального согласия. СПб.: Маматов, 2013. С. 71–73.

Варшавер Е. А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 31–58.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Москва: Издание ЦСУ СССР, 1928. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. 423 с.

Геллер Э. Нации и национализм / пер. с англ. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Голева Т. Г. Коми-язвинцы // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие: словарь-справочник. СПб.: Маматов, 2014. С. 237–241.

Делегация района на II съезде коми-пермяцкого народа // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2016. 12 марта. (№ 29). С. 1.

Заметки о пермяках Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1861. № 44. С. 361–375.

Иванов А. П. Кама-река // Волжский вестник. 1883. № 2. С. 39–42.

Иванов А. П. Кама-река // Волжский вестник. 1883. № 4. С. 90–95.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Кировской области. Киров: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области, 2013. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 244 с.

Каменских М. С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 220 с.

Коми-пермяцкий язык в эпоху глобализации // Призыв. Газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2014. 11 дек. (№ 147). С. 1.

Коньшин А. Е. Исследования о зюздинских пермяках в исторической ретроспективе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 4. С. 83–89.

Лобанова А. С. О внешней и этнической идентификации средствами языка (на материале наименований локальных этнографических групп коми-пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 403–411.

Некрасова В. Коми-пермяцкая песня семьи Воробьевых // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2016. 18 фев. (№ 19). С. 2.

Нечаев Г. А. Характеристика зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка // Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар: Коми изд-во, 1930. С. 1–27.

Новый учебный год провести образцово // Зюздинский колхозник. 1938. 7 сент. (№ 5). С. 1.

Паршакова А. Л. Коми-язвинский букварь: учеб. издание. Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 135 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Вятская губерния. СПб.: Изд. Канцелярии Кабинета министров, 1904. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1629441/ (дата обращения: 20.06.2024).

Пермяки // Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. СПб.: Изд. Канцелярии Кабинета министров, 1895. С. 60.

Русских И. Афанасьевские коми-пермяки // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2012. 26 июля. (№ 9). С. 2.

Статистический ежегодник Вятской губернии за 1922 год. Вятка: 1-я Типолитография ГСНХ, 1924. 260 с.

Сысоева Э. Юбилей Пармы // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 1995а. 2 марта. (№ 44). С. 4.

Сысоева Э. «Фестивальная радуга» над Пармой // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 1995б. 26 авг. (№ 103). С. 2.

Тараканов Ф. Г. Все начиналось как нельзя лучше // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2000. 21 марта. (№ 47). С. 1.

Тишков В. А. Этнос или этничность // Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 229–233.

Хомяков М. М. Зюздинские пермяки // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1911. Т. 44, вып. 3. С. 1–49.

Чагин Г. Н. Знакомьтесь: язвинские пермяки // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 27–28.

Черанева Н. На основании декрета Совнаркома // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 1999. 20 мая. (№ 143). С. 1.

Черных А. В. Верхнекамские коми-пермяки: проблемы современного этнокультурного развития // Национальные языки России: региональный аспект: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2005. С. 277–281.

Чугаева С. В поисках сокровищ зюздинских коми-пермяков или Путевые заметки этнографа // Призыв: газета администрации Афанасьевского района Кировской области. 2016. 7 июня. (№ 68). С. 2.

Шабаетов Ю. П., Дронова Т. И., Шаранов В. Э. Коми-ижемцы, поморы и устьиц-лёмь: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–150.

Штейнфельд Н. П. Зюздинский край Глазовского уезда // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка: Издание губернского стат. комитета, 1892. С. 272–312.

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 1983. 160 p.

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 368 p.

REFERENCES

Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso, 1983, 160 p. (In English).

Bart F. *Etnicheskiye gruppy i sotsial'nyye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2006, 200 p. (In Russian).

Belitser V. N. [Among the Zyuzdin Komi-Permyaks]. *Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Kratkiye soobshcheniya* [Institute of Ethnography named after N. N. Miklouho-Maclar. Brief reports]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1952, iss. 15, pp. 27–38. (In Russian).

Chagin G. N. [Meet the Yazva Perm people]. *Zhizn'natsional'nostey* [Life of nationalities], 2001, no. 4, pp. 27–28. (In Russian).

Chernykh A. V. [Verkhnekamsk Komi-Perm people: problems of modern ethnocultural development]. *Natsional'nyye yazyki Rossii: regional'nyy aspekt: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [National languages of Russia: regional aspect: materials of the international scientific

and practical conference]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2005, pp. 277–281. (In Russian).

Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress Publ., 1991, 320 p. (In Russian).

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005, 368 p. (In English).

Kamenskikh M. S. *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gg.: regional'nyy aspekt* [National policy in the Kama region in 1918–1939: regional aspect]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2019, 200 p. (In Russian).

Konshin A. E. [Research on the Zyuzdino Komi-Permyaks in the historical retrospective]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2016, vol. 10, no. 4, pp. 83–89. (In Russian).

Lobanova A. S. [On external and ethnic identification by means of language (based on the names of local ethnographic groups of the Komi-Perm and the Russian living in the territory of Komi-Perm district)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 403–411. (In Russian).

Nechaev G. A. [Characteristics of the Zyuzdin dialect of the Komi-Permyak language]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary i izucheniyu dialektov komi yazyka* [Collection of the commission for collecting a dictionary and studying dialects of the Komi language]. Syktyvkar: Komi Izdatel'stvo Publ., 1930, pp. 1–27. (In Russian).

Shabaev Yu. P., Dronova T. I., Sharapov V. E. [Komi-Izhemtsy, Pomors and Ust-Tsilema: models of cultural transformations]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2010, no. 5, pp. 134–150. (In Russian).

Tishkov V. A. [Ethnos or ethnicity]. *Etnologiya i politika. Nauchnaya publitsistika* [Ethnology and Politics. Scientific Journalism]. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 229–233. (In Russian).

Van'kov E. G. [There is such a people — the Komi-Yazvans]. *Narody Permskogo kraya. Al'manakh* [Peoples of the Perm Territory. Almanac]. Perm: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2007, pp. 35–36. (In Russian).

Van'kov E. G. [Komi-Yazvans of the Perm Territory]. *Permskiy kray — territoriya mezhnatsional'nogo soglasiya* [Perm krai — Territory of Interethnic Harmony]. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2013, pp. 71–73. (In Russian).

Varshaver E. A. [“Stop Kicking the Dead Horse of Primordialism”: current agendas in Constructivist Studies of Ethnicity]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 31–58. (In Russian).

Submitted: 17.06.2024

Accepted: 21.07.2024

Article published: 31.12.2024